

Единообразная практика применения УК РФ: реальность или фикция?

Аннотация. Действующее законодательство закрепляет за Верховным Судом РФ право давать на основе анализа и обобщения судебной практики разъяснения с целью обеспечения единообразного его применения. Данные разъяснения регулярно выходят в форме постановлений Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о той или иной группе преступлений или отдельных преступлениях. Обязательный характер таких разъяснений фактически признается как правоприменителями, так и правоведами-исследователями, однако законодательно он нигде не закреплен. В статье показано, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не всегда учитываются в судебной практике по уголовным делам, поэтому о ее единообразии говорить не приходится. По мнению автора, такое положение нельзя считать нормальным, поскольку в России есть только один уголовный закон (Уголовный кодекс), стало быть, и практика его применения должна быть единой (исключение, пожалуй, составляет практика применения уголовно-правовых норм, содержащих признак причинения имущественного ущерба, размер которого не может быть единым с учетом различий в экономическом положении российских регионов). Исходя из этого, автор предлагает законодательно закрепить обязательный характер постановлений Пленума Верховного Суда РФ, невыполнение которых должно быть признано самостоятельным основанием отмены решений нижестоящих судов по уголовным делам.

Ключевые слова: Пленум Верховного Суда РФ; ПВС; постановление ПВС; разъяснение ПВС; судебная практика; Уголовный кодекс РФ; УК; толкование закона; Конституция Российской Федерации; однородное административное правонарушение; коррупция; хищение чужого имущества

Для цитирования: Кочои С. М. Единообразная практика применения УК РФ: реальность или фикция? // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 5. — С. 120–130. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.186.5.120-130

Uniform Application of the Criminal Code of the Russian Federation: Reality or Fiction?

Samvel M. Kochoi, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
sam.kochoi@bk.ru

Abstract. Current legislation grants the Supreme Court of the Russian Federation the authority to issue clarifications based on the analysis and synthesis of judicial practice in order to ensure its uniform application. These clarifications

© Кочои С. М., 2026

* Кочои Самвел Мамадович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
sam.kochoi@bk.ru

are regularly issued in the form of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on judicial practice concerning particular categories of crimes or specific offenses. The binding nature of such clarifications is effectively recognized by both law enforcement officials and legal scholars, yet it is not codified anywhere in legislation. The paper shows that the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are not always followed in criminal case practice, making it difficult to speak of any uniformity in such practice. In the author's view, such a situation cannot be considered normal, since Russia has only one criminal law (the Criminal Code), and therefore the practice of its application should be uniform. A possible exception of criminal law norms can be norms containing the element of property damage, the amount of which cannot be uniform given the differences in the economic situation in Russian regions). On this basis, the paper proposes that the binding nature of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation be codified in legislation, and that failure to comply with them should be recognized as an independent basis for reversing lower court decisions in criminal cases.

Keywords: Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; Plenum of the Supreme Court; resolution of the Plenum of the Supreme Court; clarification of the Plenum of the Supreme Court; judicial practice; Criminal Code of the Russian Federation; Criminal Code; interpretation of law; Constitution of the Russian Federation; homogeneous administrative offence; corruption; misappropriation of another's property

Cite as: Kochoi SM. Uniform Application of the Criminal Code of the Russian Federation: Reality or Fiction? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(5):120-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.186.5.120-130

Введение

Уголовный кодекс РФ, как известно, закон федеральный, общероссийский. Несмотря на то что Россия является федерацией, в ней нет уголовных кодексов (законов) Москвы, Дагестана, Сахалина или какого-нибудь другого ее субъекта. Федеративное устройство России, в отличие от других государств с подобным устройством, не дает основания для наделения ее субъектов правом иметь собственные уголовные кодексы или законы¹. Но это и неудивительно, поскольку Конституцией РФ (п. «о» ст. 71) уголовное законодательство отнесено исключительно к ведению Федерации. В силу этого Уголовный кодекс (ч. 2 ст. 1) провозглашает, что одним из его оснований (причем первым по порядку из

перечисленных им) является Конституция РФ. Из изложенного вытекает, что если Уголовный кодекс — единый на всей территории государства закон, то и практика его применения (неважно, судебная или следственная) не может быть иной, кроме как федеральной, общероссийской, то есть единой.

Государственным, федеральным органом, осуществляющим надзор за единообразным применением норм УК, выступает Пленум Верховного Суда РФ (далее также — ПВС, Пленум). Этот статус ПВС закреплен законодательно: согласно ст. 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»² Пленум Верховного Суда РФ «рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам

¹ Даже унитарный уклад государства не исключает наличия у отдельных его частей собственных кодифицированных актов в области уголовного права. Например, в Российской империи действовали Уголовное уложение Финляндии (1889 г.) и Уголовный кодекс Польского королевства (1818 г.). См. об этом: *Кангас-луоро Л.* Уголовный кодекс Финляндии 1889 г. как законодательный источник европейской интеграции // *Петербургский исторический журнал*. 2015. № 4. С. 218–226 ; Уголовное уложение Царства Польского 1818 года: *Общ. часть Книги о преступлениях / пер. студ. Ф. Тарановского ; под ред. проф. В. Есипова.* СПб. : Тип. А. Ф. Маркса, 1895.

² Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации». Данное полномочие в цитируемом Законе (ч. 3 ст. 5) названо первым среди перечисленных в нем 15 полномочий, что подчеркивает важность его осуществления в целом в деятельности ПВС.

Разъяснения, о которых говорится в Законе «О Верховном Суде РФ» (а также в ст. 126 Конституции РФ), Пленумом даются в форме постановлений. О том, какое значение для нижестоящих судов имеют постановления ПВС, в указанном Законе не говорится ничего. Однако как должностным лицам правоприменительных органов, так и специалистам-ученым известно, что эти разъяснения имеют обязательный характер по тем вопросам практики, по которым они даны. В частности, Конституционный Суд РФ в 2010 г. по этому вопросу выразил такую позицию: «По общему правилу оно (толкование закона высшими судебными органами — С. К.) фактически — исходя из полномочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов — является обязательным для нижестоящих судов на будущее время»³.

Как отмечают в уголовно-правовой литературе, постановления ПВС по вопросам применения уголовного закона «производны от УК, формулируют уголовно-правовые предписания, участвуют в регулировании уголовно-правовых отношений, реально используются в судебной практике и фактически воспринимаются правоприменителем как общеобязательные». На основании такого тезиса делается вывод о том, что «обязательное для всех разъяснение (нормативное толкование) законоположений... служит предпосылкой к тому, чтобы легитимировать постановления Пленума ВС РФ в качестве акта, обладающего нормативными свойствами»⁴.

Обязательный характер разъяснений ПВС дает повод отдельным специалистам из разных отраслей права причислять их к нормативным источникам права⁵. Между тем такой вывод — результат спорного толкования понятия «разъяснение». Разъяснение — иначе говоря, внесение ясности, объяснение, не указание и не приказ. Разъяснение, базирующееся на анализе и обобщении судебной практики, — это акт в пользу правильного, точного применения закона теми, кто создает эту практику. Приравнять разъяснения ПВС к нормам закона, считать их формально источником права, полагаем, в настоящее время нет оснований, что, однако, не должно препятствовать судам выносить решения с учетом таких разъяснений на основании закона. Мнение о том, что «выносить судебные решения по уголовным делам на основании постановлений Пленума Верховного Суда РФ нельзя в силу того, что единственным источником отечественного уголовного права является УК РФ»⁶, правильное по сути, но оно не учитывает сегодняшних реалий практики применения УК, в которой постановления ПВС фактически давно уже не просто *разъяснения*, а *руководящие разъяснения*.

Основная часть

Казалось бы, признание обязательного характера разъяснений ПВС по вопросам судебной практики делает гарантированным их выполнение теми, кому они адресованы, — судами, а также органами предварительного следствия (поскольку выводы последних, если они противоречат разъяснениям ПВС, судами не должны быть приняты). Но спорно полагать, что существует некая единообразная практика примене-

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

Собственно, и в законодательстве такое положение общепризнано — применительно к полномочиям суда кассационной инстанции (ч. 4 ст. 329 КоАП, ч. 4 ст. 390 ГПК, ч. 2.1 ст. 289 АПК).

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 1 : Общая часть.

⁵ Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права : учебник. М. : Кнорус, 2023.

⁶ Жариков Ю. Реализация оценочных понятий в уголовном праве // Законность. 2007. № 9. С. 45–47.

ния норм УК в деятельности российских судов и следственных органов. Можно привести немало примеров несоответствия такого утверждения действительности — решений по материалам дел о коррупции, в отношении которых нами по запросам участников уголовного судопроизводства готовились научно-консультационные заключения. Вот лишь некоторые из них.

1. В инкриминируемых И. В. четырех преступлениях (каждое предусмотрено пунктом «г» ч. 7 ст. 204 УК РФ) предметом преступления признано «иное имущество» (специальная зимняя одежда). По версии следствия, «часть» данного имущества «по указанию И. В. была передана подчиненным ему работникам», которых орган следствия называет лицами, не осведомленными о его преступных намерениях. Но ни в постановлении следователя, ни в приговоре суда нет данных о том, какую часть указанного имущества получил сам И. В. и какую часть (какое именно имущество) он передал лицам, «не осведомленным о его преступных намерениях». Более того, ни одно такое лицо в исследуемом документе конкретно даже не названо. В таком случае возникает вопрос: какую именно выгоду извлекли сотрудники коммерческих организаций Крайнего Севера, возглавляемых И. В., от передачи им одежды, выпускаемой признанным производителем одежды и снаряжения для экстремального туризма, альпинистских восхождений и полярных экспедиций? Как показывает анализ п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁷, если за совершение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, действий (бездействие) имущество передается (имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются) «не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам», в том числе юридическим, и лицо, выполняющее управленческие функции, его родные или близкие «не извлекают из этого имущественную

выгоду», *содеянное не может быть квалифицировано как коммерческий подкуп.*

Объективную сторону коммерческого подкупа (ч. 5 ст. 204 УК) составляют незаконное получение имущества или незаконное пользование имущественными правами за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц. При этом закон дифференцирует указанные действия (бездействие), различая:

а) действия (бездействие), которые *входят в служебные полномочия* обвиняемого;

б) действия (бездействие), *которые не входят в служебные полномочия* обвиняемого, но которым он может способствовать в силу своего служебного положения.

Пленум Верховного Суда РФ также строго разграничивает указанные действия (бездействие), определяя их следующим образом: «Под входящими в служебные полномочия действиями (бездействием) должностного лица следует понимать такие действия (бездействие), которые оно имеет право и (или) обязано совершить в пределах его служебной компетенции (например, сокращение установленных законом сроков рассмотрения обращения взяточдателя, ускорение принятия должностным лицом соответствующего решения, выбор должностным лицом в пределах своей компетенции или установленного законом усмотрения наиболее благоприятного для взяточдателя или представляемых им лиц решения).

Способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяточдателя или представляемых им лиц выражается в использовании взятополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания любого влияния на других должностных лиц в целях совершения ими указанных действий (бездействия) по службе, например путем просьб, уговоров, обещаний, принуждения и др.».

В деле И. В. подобной дифференциации не было. Согласно приговору, обвиняемый полу-

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс». На момент рассмотрения данного дела оно действовало в ред. от 24.12.2019.

чил имущество «за совершение действий и бездействие в интересах дающего, за содействие указанным действиям, в которые входят оказание содействия в заключении договоров подряда, а именно: прохождение технической квалификации, а также содействие при выполнении работ в рамках уже заключенных договоров, а именно: несоздание препятствий при выполнении работ проверками деятельности подрядчика, беспрепятственное подписание актов выполненных работ и лояльное отношение при проведении проверок». То есть суд пришел к выводу, что И. В. совершил как действия и бездействие, входящие в его полномочия, так и действия, не входящие в его полномочия (но которым он мог способствовать). Но о том, *какие именно действия и бездействие, входящие в полномочия И. В., совершены и каким именно действиям он мог способствовать*, не говорится ничего.

Соблюдение не только приведенных положений закона или учет разъяснений ПВС вызывает сомнение в настоящем деле. Ввиду требований ст. 23 УПК РФ и согласно упомянутым разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ (постановление «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях») уголовное преследование за коммерческий подкуп, совершенный лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, может осуществляться лишь по заявлению либо с согласия руководителя данной организации. Если незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе получено руководителем такой коммерческой организации, то его уголовное преследование осуществляется по заявлению или с согласия органа управления организации, в компетенцию которого входит избрание или назначение этого руководителя, а также с согласия члена органа управления орга-

низации или лиц, имеющих право принимать решения, определяющие деятельность юридического лица. Однако в тексте исследованных решений по анализируемому делу нет каких-либо данных, свидетельствующих о выполнении органом следствия и судом приведенных норм УПК РФ и разъяснений ПВС, что делает спорным в целом уже сам факт уголовного преследования И. В.

2. Из состоявшихся решений по делу А. Н., осужденного за получение взятки, следовало, что обстоятельствами, позволившими сделать вывод о наличии в его действиях квалифицирующего признака «совершение преступления организованной группой», признаны:

— «длительные дружеские отношения» между обвиняемыми, возникшие в результате совместной работы в системе муниципальных и иных образований;

— тщательность планирования, сложность и «длящийся характер совершаемых преступлений»;

— вовлечение «в сферу деятельности группы» других соучастников не из числа государственных служащих;

— использование «принципов конспирации».

На то, что перечисленные обстоятельства ни по отдельности, ни по совокупности не могут свидетельствовать о наличии в действиях А. Н. такого признака, как совершение преступления организованной группой, указывает, в частности, ссылка следствия «на длящийся характер совершенных преступлений» (трех взяток, инкриминированных А. Н.). Дело в том, что получение взятки в уголовно-правовой науке *никогда не относилось и не относится к длящимся преступлениям*⁸. Это подтверждают и разъяснения ПВС. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 № 23 (ред. от 14.03.1963) «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и

⁸ В другом изученном нами деле наличие сплоченности и организованности суд и следствие объясняли тем, что у участников организованной группы «имелся единый умысел на совершение длящегося тяжкого преступления, а именно мошенничества». Но мошенничество никогда не было и не является длящимся преступлением.

продолжаемым преступлениям»⁹, «длящееся преступление начинается с какого-либо преступного действия (например, при самовольной отлучке) или акта преступного бездействия (при недонесении о преступлении)». «Следовательно, — разъясняет ПВС СССР, — длящееся преступление можно определить как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования».

Соответственно, получение взятки может быть продолжаемым (единым) или повторным, но не длящимся преступлением, что подтверждает анализ постановления ПВС «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 21). Приведенные разъяснения правоприменителями оставлены без внимания в деле А. Н.

Кроме того, согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, содействие должностным лицом в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц выражается «в использовании взяткополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания любого влияния на других должностных лиц в целях совершения ими указанных действий (бездействия) по службе, например путем просьб, уговоров, обещаний, принуждения и др.» (п. 4 постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). Таким образом, оказание (любого) влияния на других должностных лиц образует суть такой формы получения взятки, как использование взяткополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для совершения действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц. Между тем в решениях по делу А. Н. от-

сутствует описание какого-либо конкретного обстоятельства, которое свидетельствовало бы об оказании *давления на других должностных лиц*. Эти решения не содержат каких-либо данных о том, что А. Н.:

- к кому-либо обращался с просьбами,
- кого-либо уговаривал,
- кому-либо обещал,
- кого-либо принуждал.

В итоге остается неясным, каким образом обвиняемый «способствовал заключению договоров аренды земельных участков, выдаче разрешений на строительство. Эту неясность подтверждает и то обстоятельство, что именно А. Н. как первый заместитель главы администрации города, курирующий вопросы земельных отношений и строительства, был против заключения указанных договоров и выдачи разрешений. Более того, из решений следует, что во всех случаях, по которым предъявлено обвинение А. Н., договоры аренды подписаны, а разрешения на строительство получены вопреки позиции администрации города, но во исполнение решений краевого суда, признавшего эту позицию администрации города незаконной. А. Н. по определению не имел и не мог иметь какого-либо отношения к решениям, принимаемым судом субъекта РФ.

Как показывает опубликованная судебная практика, если *не доказано*, в чем выразилось содействие со стороны должностного лица и на какое другое должностное лицо оно в силу своего авторитета и иных возможностей занимаемой должности могло оказать влияние, чтобы в пользу взяткодателя или представляемых им лиц было совершено действие (бездействие), квалификация по ст. 290 УК РФ признается неверной¹⁰. Однако в деле А. Н. эта практика, как и имеющиеся разъяснения ПВС, вновь была оставлена без внимания судами и следственными органами.

⁹ Данное постановление ПВС действовало на момент рассмотрения дела А. Н. В настоящее время оно утратило силу, см.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., например: апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 09.11.2017 по делу № 22-5866/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Стоит признать, что в отдельных случаях источником противоречивых и (или) ошибочных решений, не способствующих единообразному применению уголовно-правовых норм, выступают сами разъяснения ПВС.

Так, согласно правовой позиции ПВС, противоправное безвозмездное обращение имущества, вверенного лицу, в свою пользу или пользу других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, должно квалифицироваться судами как присвоение или растрата при условии, что похищенное имущество находилось «в правомочном владении либо ведении этого лица» (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹¹, п. 23). Данной, как мы считаем, противоречащей действующему закону правовой позиции высшие судебные инстанции придерживаются давно — еще со времен СССР. Но в СССР Пленум Верховного Суда четко разъяснял: есть «присвоение либо растрата вверенного имущества» — и есть присвоение или растрата «находящегося в ведении государственного или общественного имущества» (по факту — хищение социалистического имущества путем злоупотребления служебным положением)¹². В действующем УК (ст. 160) такого легального противопоставления способов хищения нет, что, однако, не мешает сторонникам критикуемой позиции приводить порой ничем не аргументированные суждения. Например, утверждать, что «статья 160 УК РФ говорит о любом чужом имуществе, а не только о вверенном имуществе»¹³. Но простое обращение к тексту указанной статьи («Присвоение или растрата, то есть хище-

ние чужого имущества, вверенного виновному, — наказываются...») приводит к абсолютно противоположному выводу. В своем желании поддержать тенденцию расширения содержания понятия «вверено» ряд авторов предлагает вверенным «считать и найденное имущество»¹⁴.

Нахождение имущества во владении и в ведении — абсолютно разные понятия. Если нахождение имущества во владении лица можно рассматривать как подтверждение того, что оно вверено ему, то нахождение имущества в ведении лица об этом свидетельствовать, полагаем, не может. Примечательно, что критики понимания вверенного имущества как имущества, переданного под материальную ответственность, сами приводят аргументы, опровергающие их позицию, например признают, что термин «вверенное» «больше подходит к имуществу, переданному под личную ответственность, под отчет»¹⁵.

Естественно, возникает вопрос: что могло изменить содержание слова «вверено» в русском языке за прошедшие годы? На наш взгляд, ничего, если не считать позицию ПВС, который, присвоив полномочия законодателя, расширил содержание данного понятия. Понимая уязвимость указанного подхода, его сторонники предлагают законодательно изменить диспозицию ч. 1 ст. 160 УК, чтобы она охватывала в качестве предмета предусмотренных ею форм хищения и вверенное имущество, и имущество, находящееся в ведении виновного¹⁶. С таким способом решения проблемы никто не спорит, *главное, чтобы не судебная власть создавала уголовно-правовую норму, а законодательная.*

Хотелось бы обратить внимание на то, что подобная противоречивая ситуация характерна не

¹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

¹² См., например: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 № 4 (ред. от 26.04.1984) «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Севрюков А. П. Понятие вверенного имущества // Российский следователь. 2010. № 5. С. 15–18.

¹⁴ Бойцов А. И. Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 3 / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : ЮЦ Пресс, 2008. С. 151–154.

¹⁵ Севрюков А. П. Указ. соч. С. 15–18.

¹⁶ Бакрадзе А. А. Вверенное имущество как предмет присвоения или растраты // Российский следователь. 2009. № 8. С. 12–14.

только для практики по уголовным делам. Так, «повторное совершение однородного административного правонарушения» пункт 2 ч. 1 ст. 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях признает отягчающим административную ответственность обстоятельством¹⁷. Однако ответить на вопрос, что следует понимать под однородным правонарушением, можно двояко.

Первый ответ содержится в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2004 г. (в ред. 2017 г.)¹⁸, сформировавшего правовую позицию, согласно которой «однородными считаются правонарушения, ответственность за совершение которых предусмотрена одной статьей Особенной части КоАП РФ». Второй же ответ дает Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 2005 г. (в ред. 2021 г.)¹⁹: «однородным считается правонарушение, имеющее единый родовый объект посягательства». То есть в первом случае однородное правонарушение образует совершение правонарушений, предусмотренных только *одной и той же статьей* КоАП, а во втором — совершение правонарушений, предусмотренных *любой статьей* одной и той же главы КоАП.

Как несложно заметить, постановление ПВС заметно противоречит постановлению ВАС. Впрочем, такая неопределенность не мешает судам применять разъяснение, содержащееся именно в постановлении ПВС, в частности по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения (гл. 12 КоАП).

При этом каких-либо аргументов по поводу того, почему суды признают правонарушения, предусмотренные разными статьями КоАП, однородными, то есть применяют разъяснение ПВС, а не ВАС (действующее, между прочим, по сегодняшней день), их постановления не содержат.

Между тем «повторное совершение однородного правонарушения» есть не что иное, как повторность, которая в статьях Особенной части КоАП (той же гл. 12) определяется иначе, чем в его Общей части: как повторное совершение тождественного правонарушения (в качестве квалифицирующего признака составов, предусмотренных этими статьями). Так почему же при признании повторности правонарушения отягчающим обстоятельством суды учитывают однородные правонарушения, а при признании повторности квалифицирующим признаком — тождественные правонарушения?²⁰ Полагаем, что одно и то же понятие, используемое в разных нормах одного и того же закона, не может не иметь единого содержания, не быть общим, универсальным. В противном случае возникают сомнения в правомерности разъяснения ПВС, поскольку именно после его выхода повторность в КоАП стала пониматься двояко. Представляется, что в условиях отсутствия официального определения понятия «однородное административное правонарушение» ясность в ситуацию с действующими одновременно, но противоречащими друг другу разъяснениями высших судебных инстанций мог бы внести законодатель, предложив собственное, учитываю-

¹⁷ Фактически в ст. 4.3 КоАП (с учетом ее расположенности в гл. 4 «Назначение административного наказания») речь идет об обстоятельствах, отягчающих административное наказание, а не административную ответственность.

¹⁸ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» (п. 19.1) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (п. 16) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ На это противоречие обращают внимание также в административно-правовой литературе. См., например: Серебряков В. В. О подходах понимания повторности в административном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 76–78; Калужный Ю. Н. Повторность как квалифицирующий признак административных деликтов в области дорожного движения // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 2. С. 55–62.

щее позиции науки определение повторного правонарушения²¹.

Таким образом, несмотря на спорный характер отдельных разъяснений ПВС, они подлежат применению при рассмотрении конкретных дел, однако решающее слово в толковании норм закона, в связи с применением которых дано такое разъяснение, в подобных случаях должно принадлежать законодателю. К сожалению, российский законодатель, в отличие от советского²², конституционно не наделен правом аутентического (официального) толкования²³ принятых им законов. Такое толкование в отдельных случаях, по нашему мнению, могло бы стать реальной альтернативой регулярным, частым изменениям и дополнениям уголовного закона, а значит — важным условием единообразного его применения судебно-следственными органами. Как в 1997 г. признавал Конституционный Суд РФ, необходимость разъяснения соответствующих норм федеральных законов «вызвана обнаружившимися затруднениями, неясностью и противоречиями в понимании этих норм, потреб-

ностью обеспечить единообразие в их применении». Такие разъяснения «имеют нормативный правовой характер и притом наделены той же юридической силой, что и разъясняемые ими акты — федеральные законы»²⁴.

Заключение

В России нет не только уголовных кодексов (законов) ее субъектов, чтобы была разнообразная судебная практика, но и прецедентного права, чтобы следовать его гласным и негласным правилам, допускающим широкое судебское усмотрение вплоть до создания нормы права. Отсутствие единообразия в практике применения УК — единого для всего государства закона — нонсенс. Это особенно актуально в отношении дел о преступлениях, направленных против федеральных, общероссийских ценностей и благ (объектов): личности, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти и т.д.

²¹ В главах КоАП, объединяющих порой не просто огромное количество статей, а статьи, предусматривающие ответственность за правонарушения, посягающие фактически на самые разные объекты, как однородные, полагаем, могут быть только правонарушения, предусмотренные одной и той же статьей. Нагляднее всего этот тезис иллюстрирует глава 12 КоАП, в которую объединены такие деяния, как управление транспортным средством, не зарегистрированным в установленном порядке (ст. 12.1), превышение установленной скорости движения (ст. 12.9), незаконное ограничение прав на управление транспортным средством и его эксплуатацию (ст. 12.35) и др. Фактически к безопасности на дороге имеет отношение только одно из них — предусмотренное статьей 12.9. Называть его однородным с правонарушениями, предусмотренными двумя другими статьями, можно лишь потому, что во всех их упомянуто транспортное средство.

²² См., например: постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 21.09.1981 «О порядке применения статьи 156.2 Уголовного кодекса РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

На официальном сайте Министерства юстиции России размещена информация о том, что «вопросы, связанные с неоднозначным пониманием правоприменителями положений федерального закона Российской Федерации, подлежат урегулированию Федеральным Собранием в порядке, предусмотренном для принятия федеральных законов». См.: Кто может разъяснить федеральный закон, иной нормативный правовой акт, а также подтвердить их юридическую силу? // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/appeals/faq/672/> (дата обращения: 02.02.2026).

Однако среди полномочий Федерального Собрания РФ (гл. 5 Конституции РФ) такое отсутствует.

²³ Об этом виде толкования см.: Минникес И. А., Минникес И. В. Аутентическое (авторское) толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 36–55.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности постановлений...» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 6.

Вместе с тем для разнообразия в практике применения УК имеются объективные основания, прежде всего при применении норм о преступлениях экономического характера, в частности когда признаком состава преступления Уголовный кодекс считает размер ущерба. Регионы России (субъекты Федерации) заметно отличаются друг от друга по своему экономическому потенциалу, в том числе благосостоянию населения. Не учитывать данное обстоятельство, например, при квалификации хищения, причинившего значительный ущерб гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 160 УК), как нам представляется, невозможно. То, что для признания ущерба значительным минимальный его размер (5 тыс. руб.) прямо назван в законе (примечание 1 к ст. 158 УК), не означает, что в любом регионе России ущерб на эту сумму можно или нужно автоматически признавать значительным. Так, прожиточный минимум в стране в 2025 г. составлял от 14 718 руб. (в Липецкой и Тамбовской областях) до 46 283 руб. (в Чукотском автономном округе)²⁵. Унификация

судебной практики по таким делам фактически невозможна.

Обобщая изложенное, сделаем выводы. В условиях, когда в России есть только один единый уголовный закон, единообразная судебная практика — это то, к чему следует стремиться. Но на сегодняшний день она больше фикция, нежели реальность. Чтобы практика стала единообразной, суды не должны применять нормы УК вопреки правовой позиции ПВС, разъясняющей их. Для того чтобы разъяснения ПВС были для них обязательными, необходимо законодательное решение (например, путем внесения соответствующей оговорки в Закон «О Верховном Суде РФ» и другие федеральные законы). Однако по отдельным уголовным делам — об экономических преступлениях — судам нужно давать возможность разнообразить практику ссылкой на учет специфики регионов (субъектов) РФ в той мере, в какой это касается применения норм УК, содержащих признак экономического (имущественного) ущерба для собственника или иного владельца имущества, ставшего предметом такого преступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бакрадзе А. А. Вверенное имущество как предмет присвоения или растраты // Российский следователь. — 2009. — № 8. — С. 12–14.
2. Бойцов А. И. Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 3 / под ред. А. И. Коробеева. — СПб. : ЮЦ Пресс, 2008. — 784 с.
3. Жариков Ю. Реализация оценочных понятий в уголовном праве // Законность. — 2007. — № 9. — С. 45–47.
4. Калюжный Ю. Н. Повторность как квалифицирующий признак административных деликтов в области дорожного движения // Полицейская и следственная деятельность. — 2019. — № 2. — С. 55–62.
5. Кангаспуру Л. Уголовный кодекс Финляндии 1889 г. как законодательный источник европейской интеграции // Петербургский исторический журнал. — 2015. — № 4. — С. 218–226.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. — М. : Юрайт, 2017. — Т. 1 : Общая часть. — 316 с.
7. Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права : учебник. — М. : Кнорус, 2023. — 314 с.

²⁵ Благодаря прожиточному минимуму государство может оценить уровень бедности, социального неравенства и своевременно принять меры по их снижению и обеспечению социальной справедливости. См.: Прожиточный минимум в России в 2025 году. Таблица по регионам // URL: <https://lenta.ru/articles/2024/12/02/prozhitochnyy-minimum-v-Rossii/> (дата обращения: 31.10.2025).

8. Минникес И. А., Минникес И. В. Аутентическое (авторское) толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 3. — С. 36–55.
9. Севрюков А. П. Понятие вверенного имущества // Российский следователь. — 2010. — № 5. — С. 15–18.
10. Серебряков В. В. О подходах понимания повторности в административном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Административное право и процесс. — 2024. — № 3. — С. 76–78.
11. Уголовное уложение Царства Польского 1818 года: Общ. часть Книги о преступлениях / пер. студ. Ф. Тарановского ; под ред. проф. В. Есипова. — СПб. : Тип. А. Ф. Маркса, 1895. — 31 с.

Материал поступил в редакцию 2 февраля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bakradze A. A. Vverennoe imushchestvo kak predmet prisvoeniya ili rastraty // Rossiyskiy sledovatel. — 2009. — № 8. — S. 12–14.
2. Boytsov A. I. Polnyy kurs ugovnogo prava: v 5 t. T. 3 / pod red. A. I. Korobeeva. — SPb.: YuTs Press, 2008. — 784 s.
3. Zharikov Yu. Realizatsiya otsenochnykh ponyatiy v ugovnom prave // Zakonnost. — 2007. — № 9. — S. 45–47.
4. Kalyuzhnyy Yu. N. Povtornost kak kvalifitsiruyushchiy priznak administrativnykh deliktov v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost. — 2019. — № 2. — S. 55–62.
5. Kangaspuro L. Ugolovnyy kodeks Finlyandii 1889 g. kak zakonodatel'nyy istochnik evropeyskoy integratsii // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. — 2015. — № 4. — S. 218–226.
6. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: v 4 t. (postateynnyy) / A. V. Brilliantov, A. V. Galakhova, V. A. Davydov [i dr.]; otv. red. V. M. Lebedev. — M.: Yurayt, 2017. — T. 1: Obshchaya chast. — 316 s.
7. Kononov P. I. Aktualnye problemy administrativnogo prava: ucheb'nik. — M.: Knorus, 2023. — 314 s.
8. Minnikes I. A., Minnikes I. V. Autenticheskoe (avtorskoe) tolkovanie: teoretiko-pravovoy i konstitutsionno-pravovoy aspekty // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2021. — № 3. — S. 36–55.
9. Sevryukov A. P. Ponyatie vverennogo imushchestva // Rossiyskiy sledovatel. — 2010. — № 5. — S. 15–18.
10. Serebryakov V. V. O podkhodakh ponimaniya povtornosti v administrativnom zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Belarus // Administrativnoe pravo i protsess. — 2024. — № 3. — S. 76–78.
11. Ugolovnoe ulozhenie Tsarstva Polskogo 1818 goda: Obshch. chast Knigi o prestupleniyakh / per. stud. F. Taranovskogo; pod red. prof. V. Esipova. — SPb.: Tip. A. F. Marksa, 1895. — 31 s.